

Кантор Юлия Зораховна,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

«НА КАЖДОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА ДОЛЖНО БЫТЬ ДЕЛО»: БОРЬБА С ИНАКОМЫСЛИЕМ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ 1

Аннотация. Приведена историческая ретроспектива событий, которые знаменовали собой становление борьбы с инакомыслием в качестве основы политики большевиков, а потом и советского государства. Борьба шла с политическими оппонентами, а затем переросла в борьбу с интеллигенцией. Они представляли опасность для власти, а потому должны были быть высланы или ликвидированы. Политика в области повышения уровня грамотности же велась только для того, чтобы большая часть населения могла быть подвергнута пропаганде. Так, ключевым событием становится отправление «философских пароходов» в 1922 г. Со ссылкой на многие документы Центрального архива ФСБ России показана роль Владимира Ленина в проведении кампании против интеллигенции, её внутренние механизмы и последствия.

Ключевые слова: советская власть, интеллигенция, высылка, «философский пароход», политическая борьба.

_

 $^{^{1}}$ Публичная лекция состоялась 07.06.2019 в Пермской краевой библиотеке им. А.М. Горького.

Kantor Yulia Zorakhovna,

Doctor of History, Senior Researcher SPbII RAS, professor of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg)

"FOR EVERY INTELLIGENT THERE MUST BE BUSINESS": THE FIGHT AGAINST DISSENT IN THE EARLY YEARS OF SOVIET POWER

Annotation. The author gives a historical retrospective of the events that marked the formation of the struggle against dissidence as the basis of the policy of the Bolsheviks, and then the Soviet state. There was a struggle with political opponents, and then it turned into a struggle with the intelligentsia. They were a danger to the authorities, and therefore had to be expelled or liquidated. The literacy policy was implemented so that a large part of the population could be exposed to propaganda. Thus, the key event is the departure of the «philosophical steamships» in 1922. The author, with reference to many documents of the Central Archive of the FSB of Russia, shows the role of Vladimir Lenin in the campaign against the intelligentsia, its internal mechanisms and consequences.

Keywords: Soviet power, intelligentsia, expulsion, «philosophical steamer», political struggle.

Цепь драматических событий, первым звеном которой в 1917 г. стала революция, имеет не только хронологическую, но и четкую причинно-следственную связь. Взорвавший Россию большевистский переворот повлек за собой не только смену политического строя и экономического уклада, но и рождение «новой морали». Ее новая власть изначально насаждала не только словом, но и делом - «карающим мечом революции» стала учрежденная в декабре того же 1917 г. Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК). Почти 100 лет назад, осенью 1922 г., за границу были высланы наиболее яркие представители интеллигенции – это беспрецедентное явление впоследствии было названо «философским пароходом». Шаг за шагом, железной поступью новая власть по костям своих граждан шла к Большому террору, апогей которого настал в 1937-м. Важнейшими из этих шагов, «подготовивших» катастрофу 1937 г., были репрессивные акции сначала против инакомыслия, а затем и свободомыслия как такового.

Карательная политика большевиков изначально была направлена против идеологических оппонентов — партий, еще в недавнем прошлом их союзниц по борьбе с царским самодержавием. Затем физический и моральный террор был экстраполирован на общество в целом, в первую очередь — на мыслящую его часть — интеллигенцию. Воззрения В.И. Ленина и других руководителей большевистской партии, захватившей власть в России, подразумевали тотальный контроль государства за всеми сферами общественно-политической и духовной жизни страны.

Новейшие издания — в частности, чрезвычайно содержательные сборники документов и аналитических материалов «Остракизм по-большевистски», «Тюремная одиссея Василия Шульгина», «Высылка вместо расстрела», «Репрессированная интеллигенция. 1917—1934 гг.», «Очистим Россию надолго» — проливают свет на эту проблему, ранее практически не рассматривавшуюся в отечественной историографии. Они содержит в основном совершенно неизвестные ранее документы из Архива президента РФ, Центрального архива ФСБ России, Российского государственного архива социально-политической истории и др. Названные сборники позволяют увидеть методы, хронологию и идеологию социокультурного геноцида интеллигенции в начале 20-х гг., и, что не менее важно, причинно-следственную связь между ним и сталинским «большим террором» 2.

Документы, хранящиеся в ЦА ФСБ России, позволяют еще более четко увидеть «опорные точки» этой борьбы и источник, эту борьбу инициировавший, – партию большевиков. Так, в «совершенно секретном» циркуляре ВЧК, датированном 21 апреля 1921 г. и написанном, как указано в документе, «в ответ на задание Владимира Ильича»³, секретный отдел ВЧК предложил план работы на год. Поскольку выступления меньшевиков и эсеров, а также других социалистических и буржуазных партий приурочены к октябрьским праздникам, в «начале августа провести массовые операции по всем партиям в государственном масштабе». Указанные операции рекомендовалось проводить с «большим тактом и осторожностью, дабы не вносить дезорганизацию в наши хозорганы», для чего ГУБЧК совместно с губкомами и губисполкомами было предписано заранее подготовить заместителей из ответственных сотрудников советской власти. «В летний период до сбора урожая операций государствен-

ного масштаба не производить, а бить персонально активистов всех партий вплоть до губернского и краевого масштаба»⁴. Иными словами, «чистки» проходили по партийному принципу даже без формальных попыток доказательно уличить тех или иных лиц в антисоветскости. И карательно-политический аспект государственного строительства превалировал над социально-экономическим. Операции по «нейтрализации» буржуазных партий – кадетов, монархистов, октябристов и т.д. – рекомендовалось проводить «беспощадно и массово»⁵, ликвидировать к первой половине октября 1921 г. В документе есть еще один примечательный пункт: произвести массовые операции с одновременным закрытием их органов печати⁶. Через некоторое время ЦК РКП(б) с удовлетворением кон-

Через некоторое время ЦК РКП(б) с удовлетворением констатировал, что «партии меньшевиков и эсеров, различных монархистов фактически в настоящее время находятся на нелегальном положении» В связи с выборами в 1921 г. в Московский совет рабочих и крестьянских депутатов, которые должны были стать образцовыми для всей страны, возникла дискуссия о возможности предоставления «нашим политическим врагам известную свободу выбора». Подобный либерализм — само обсуждение такой возможности — был вызван причинами вполне прагматическими: сторонники «известной свободы» полагали, что «бороться с врагами легче, когда они находятся на виду, а не загнаны в подполье» И, что не менее важно, утверждается в циркулярном письме «Об отношении к партиям мелкой буржуазии», «оппозиция нам нужна для того, чтобы усилить тенденции раскола и расхождений в рядах враждебных нам партий», ибо, находясь на нелегальном положении, они только сплачиваются и объединяются против общего врага Ньыми словами, новая власть была готова мириться только с оппозицией, работающей на собственное разложение.

Когда с политическими оппонентами — некоммунистическими партиями — было покончено, на повестку дня был поставлен тезис о борьбе с мыслящей частью общества — интеллигенците в митолическими в месте по общества интеллигенците в месте по общества и митоличения в месте по общества и месте по о

Когда с политическими оппонентами – некоммунистическими партиями – было покончено, на повестку дня был поставлен тезис о борьбе с мыслящей частью общества – интеллигенцией. В интеллигенции, сформировавшейся до революции и имевшей самые различные взгляды на прошлое и будущее страны, новые хозяева государства небезосновательно видели серьезную опасность для коммунистического мироустройства. Интеллигенция представляла опасность для формирующегося тоталитарного государства, ибо ей была присуща способность к критическому

анализу происходящего: «Интеллигенция хочет разобраться. А большинству все равно» 10 , — посему большевикам надлежало низвести духовную элиту до состояния пассивно-покорного большинства. Дворянин с университетским образованием председатель Совнаркома Ленин был откровенен: «...Вообще к интеллигенции... я большой симпатии не питаю, и наш лозунг "ликвидировать безграмотность" отнюдь не следует толковать как стремление к нарождению новой интеллигенции. "Ликвидировать безграмотность" следует лишь для того, чтобы каждый крестьянин, каждый рабочий мог самостоятельно, без чужой помощи читать наши декреты, приказы, воззвания. Цель – вполне практическая. Только и всего» 11. Кстати, еще в 1918 г. Ленин, кажется в единственный раз, оказался эффективным адвокатом (как известно, его дореволюционные попытки применить на деле полученные на юрфаке Казанского, а затем Петербургского университета знания, занявшись адвокатской практикой, потерпели фиаско). Он заступился за ВЧК – ЦК РКП(б) по его предложению 19 декабря 1918 г. издало Постановление, юридически закрепив запрет любой критики в отношении деятельности ВЧК: «На страницах партийной и советской печати не может иметь место злостная критика советских учреждений, как это имело место в некоторых статьях о деятельности ВЧК, работы которой протекают в особо тяжелых условиях» 12.

Просматривая в 1922 г. будущий Уголовный кодекс, дипломированный юрист Ленин не церемонился с формулировками: «Впредь до установления условий, гарантирующих Советскую власть от контрреволюционных посягательств на нее, революционным трибуналам предоставляется право применения как высшей меры наказания — расстрела... По-моему, надо расширить применение расстрела» В сопроводительном письме к предложенному им проекту дополнений к Уголовному кодексу РСФСР председатель Совнаркома 7 мая 1922 г. писал: «Открыто выставить принципиальное и политически правдивое (а не только юридически-узкое) положение, мотивирующее суть и оправдание (выделено авт.) террора, его необходимость... Суд должен не устранить террор, — обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально» В результате в уголовный кодекс РСФСР было включено сразу более десятка статей, предусматривающих расстрел.

Партийно-государственное руководство не только генерировало теорию, способы и систему репрессивного подавления и уничтожения политических и ментальных оппонентов, но и наделяло свои спецслужбы все большими полномочиями, включая, в частности, «внесудебную карательную политику, основанную на праве ЧК и других органов власти применять быстро и решительно ВСЕ необходимые меры» 15.

Из интеллигентов новую власть поддержали немногие. Большинство же готово было сосуществовать с этой властью, но сохранив за собой право на собственное мнение и чувство ответственности за происходящее. Власть это не устраивало. «Большевикам, очевидно, мало одной только лояльности, то есть мало признания советской власти как факта и силы; они требуют еще и внутреннего приятия себя, признания себя и своей власти за истину и добро. Как это ни странно, но в преследовании за внутреннее состояние души есть нота какого-то извращенного идеализма. Очень часто чувствовал я в разговорах с большевиками, и с совсем уже мелкими сошками, и с довольно высокопоставленными людьми, их глубокую уязвленность тем, что, фактически победители над Россией, они все же ее духовные отщепенцы, что, несмотря на то, что они одержали полную победу над русской жизнью умелой эксплуатацией народной стихии, – они с этой стихией все-таки не слились, что она остается под ними краденым боевым конем, на котором им из боя выехать некуда» 16 , — писал, уже находясь в изгнании, философ Ф.А. Степун.

В мае 1921 г. ГПУ издало «совершенно секретную» Инструкцию об организации Бюро содействия: «Во всех центральных государственных, общественных, кооперативных и частных учреждениях и предприятиях, а также в Вуз и там, где представится возможность наличием коммунистов, организуются Бюро содействия Секретному Отделу ОГПУ»¹⁷. К работе в этом осведомительном аппарате, который должен был пронизать все сферы общественной жизнедеятельности, привлекались, только члены РКП, работающие в порядке партдисциплины со стажем не мене трех лет. Бюро содействия структурировались с таким расчетом, чтобы через отдельных своих членов охватывать учреждение в целом». Обязанности членов бюро содействия формулировались предельно внятно: «Заниматься систематическим собиранием сведений о всякого рода явлениях ан-

тисоветского характера, а также выявлением контрреволюционного элемента в данном учреждении или предприятии» ¹⁸. Разумеется, при таком подходе, в категорию врагов и контрреволюционеров мог попасть любой.

Первыми на «главной арене борьбы против Советской власти антисоветской интеллигенции» названы высшие учебные заведения, потому «положение в высшей школе требует принятия ряда решительных мероприятий по прекращению и предупреждению контрреволюционных выступлений профессуры» Реакция Политбюро была немедленной — уже через неделю предложения чекистов были оформлены, расширены и усилены в специальном постановлении. Работа по устранению неугодного профессорскопреподавательского состава в буквальном смысле была работой «на будущее» — у вузовских педагогов могли возникнуть последователи среди студентов, и «связь времен», а точнее, интеллектов, могла бы не прерваться, чего новая власть принять не могла. Потому чистками профессуры не ограничилась: в вузах прошли и массовые чистки студентов, слушавших неугодных профессоров или разделявших их взгляды²⁰.

Летом 1922 г. у Ленина случился инсульт. Но даже тяжелая болезнь не отвлекла его от злободневных проблем: в стране еще остались тысячи нежелательных — свободомыслящих — граждан. Их участь необходимо было решить. В сентябре в Горки был вызван Ф.Э. Дзержинский — за получением директив вождя по борьбе с интеллигенцией. Председатель ГПУ законспектировал тезисы и развил их, разработав стройную систему: «Надо всю интеллигенцию разбить по группам. Примерно: 1) Беллетристы; 2) Публицисты и политики; 3) Экономисты (здесь необходимы подгруппы: а) финансисты, б) топливники, в) транспортники, г) торговля, д) кооперация и т.д.); 4) Техники (здесь тоже подгруппы: 1) инженеры, 2) агрономы, 3) врачи, 4) генштабисты и т.д.); 5) Профессора и преподаватели; и т.д. и т.д.

Сведения должны собираться всеми нашими отделами и стекаться в отдел по интеллигенции. На каждого интеллигента должно быть дело. Каждая группа и подгруппа должна быть освещаема всесторонне компетентными товарищами... Сведения должны проверяться с разных сторон так, чтобы наше заключение было безошибочно и бесповоротно... Надо помнить, что задачей нашего

отдела должна быть не только высылка, а содействие выпрямлению линии по отношению к спецам, т.е. внесение в их ряды разложения и выдвижения тех, кто готов был без оговорок поддержать Советскую власть» 21 .

С особо неблагонадежными решили справиться, как сформулировал Троцкий, путем «предусмотрительной гуманности» 22 – насильственной высылкой. 17 октября 1922 г. ГПУ за подписью Ф.Э. Дзержинского выпустило приказ с «инструкциями по выполнению постановления ВЦИК об административной высылке». Этот документ, предоставлял новой власти неограниченную свободу по изоляции инакомыслящих. Формулировки его всеобъемлющи. «Административная высылка применяется к лицам, пребывание коих в данной местности (и в пределах РСФСР) представляется по их деятельности, прошлому, связи с преступной средой с точки зрения охраны революционного порядка опасным»²³. Высылать стали из столиц, из мест, где неугодный был укоренен, в иные регионы, включая Соловки и, наконец, за границу. Ленин писал генсеку ЦК РКП(б) Сталину: «Розанов, Вигдорчик, Франк... надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго... Всех их - вон из России. Делать это надо сразу. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов – выезжайте, господа! Чистить надо быстро»²⁴. Но появилась и новая мера наказания – высылка. Она приравнивалась к расстрелу, заменяя его. В дальнейшем, став прерогативой президиума Верховного совета СССР, именно высылка часто цинично называлась «истинной высшей мерой», так как лишала даже не жизни, а Родины. «Политика советской власти по отношению к интеллигенции, в том числе и депортация...ее части, составляла цепь продуманных и логически связанных друг с другом шагов»²⁵.

Николай Бердяев, отец Сергий Булгаков, Юлий Айхенвальд, Николай Лосский, Александр Каган, Сергей Трубецкой, еще десятки таких, как они, не хотели уезжать. Некоторые писали прошения о замене высылки возможностью жить и работать в России на любых условиях и заверяли новые власти в политической лояльности. В основном безрезультатно. А большинству тех, кому удалось все-таки умилостивить власти и остаться, уже по прошествии нескольких лет предстояли в лучшем случае лагеря, в худшем – смертная казнь. И лишь немногие покидали Россию с об-

легчением, полагая, что у большевиков нет будущего и что борьба с наступившим безвременьем невозможна. Вот как вспоминал последний день пребывания на Родине пассажир «философского парохода» С.Е. Трубецкой: «Как в Москве перед отъездом я постарался обойти город и проститься с ним, так и тут я прощался с Петербургом, с его видами, памятниками, Эрмитажем... Какая разница с Москвой! И тут и там на все легла печать большевизма, но легла она не одинаково. Старая московская жизнь была убита, но Москва все же интенсивно жила какой-то новой, чуждой и злобной жизнью, но все же это был живо и город. Петербург же производил впечатление какого-то полумертвого царства. Старая жизнь была здесь убита, а новая еще не полностью завладела им. Петербург был как бы огромной, стильной барской усадьбой, из которой ушли старые хозяева и которую еще не освоили новые и чуждые ее духу пришельцы. По сравнению с Москвой, Петербург казался полупустым. Народа было мало, на улицах между камней пробивалась трава, и запущенность придавала дворцам и памятникам какую-то особую, щемящую красоту...

Последний день, последние часы в России тянулись для меня, казалось, бесконечно... Я опасался того только, что вдруг чтото помещает нам уехать. До самой последней минуты наш отъезд продолжал мне казаться сверхъестественным и невероятным.

Но вот, наконец, наступил час погрузки на пароход. "Oberbürgermeister Hagen" стоял на Невской пристани. Таможенный досмотр (количество вещей было строго ограничено, и мы должны были заранее дать на утверждение их список), потом — погрузка. Мы сели на пароход днем, но он должен был идти только на следующий день рано утром. Вместе с нами на пароход взошли и несколько чекистов. Я говорю про чекистов в форме, секретные агенты, конечно, тоже были... Наши паспорта нам на руки выданы не были, они остались у чекистов... Наконец мы трогаемся, но паспортов нам не передали и наши чекисты с парохода не сошли... Как? Почему? Ведь мы же не остановимся теперь нигде до Штеттина...

Вот вырисовывается Кронштадт и Толбухин Маяк. От нашего парохода на ходу отваливает лодка, в ней наши чекисты... Пароход ускоряет ход. "Ietzt können Sie ruhig lhr Kaffee trinken, – говорит нам наш капитан. – Ihre Pässe sind bei mir"²⁶, – и он ударяет себя по нагрудному карману. Тяжелый камень сваливается с моего сердца – слава Богу! – мы едем... В то же время нет и легкого чувства радости, щемящая тоска охватывает меня. Я впиваюсь глазами в последний краешек родной земли. Безнадежное серое небо, серое море, серый профиль маяка. Даже чайки почему-то кажутся серыми. Грусть, тоска, безнадежность!.. Но это – Россия, страна наших отцов и дедов. Сердце сжимается... Неужели навеки?! Нет! нет! – отталкиваюсь от этой мысли, а душу гложет тяжелое сомнение. Я надеваю на себя маску бодрости – для других и, главное, быть может, для самого себя...»²⁷.

«С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии культуры и науки», — гласит надпись на скромном гранитном обелиске на набережной Невы, близ моста Лейтенанта Шмидта (Николаевского). Обелиск установлен в память об одном из самых трагических событий в истории советской России — высылки представителей инакомыслящей интеллигенции. Знаковое совпадение: 25 октября 1917 г. именно здесь на рейде стоял крейсер «Аврора», эхо холостого выстрела которого в России слышно до сих пор.

Акция принудительной высылки лучшей части отечественной интеллигенции ознаменовала не столько начало политических репрессий, сколько раскол внутри русской культуры. С момента, как пароход «Пруссия» отправился в свой исторический рейс, русская мысль перестала быть единым феноменом, культурным событием, — она трагически разделилась на Русское Зарубежье и Россию Советскую.

Политико-экономическая ситуация в России к началу 20-х гг. была катастрофической. В стране был голод, не прекращались крестьянские восстания, в крови был потоплен антикоммунистический мятеж кронштадтских матросов. Партийное руководство, «стиснув зубы», провозгласило новую экономическую политику, таким образом, расписавшись в нежизнеспособности своих же экономических постулатов и беспомощности государственных методов управления.

Чем успешнее, чем быстрее развивалось народное хозяйство при НЭПе, тем сильнее большевики убеждались в зыбкости политической почвы под своими ногами.

Об этом без эвфемизмов сказал в 1923 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Ягода в докладе «ВЧК – ГПУ. Историческая

роль и задачи»: «ГПУ отличается (*от ВЧК – прим. авт.*) лишь конкретными своими задачами в условиях новой экономической политики... Частный капитал должен был получить гарантию своего правового существования... В связи с этим переходом на путь определенной законности должна была измениться и борьба с нашими врагами, процесс наказания и обезвреживания их... НЭП... изменил облик наших врагов, и выдвинула новых. НЭП оживил контрреволюционные элементы, загнанные в подполье, которые начали проводить контрреволюционную работу, используя легальную возможность; НЭП возродил враждебный нам класс – буржуазию»²⁸.

Стараясь вернуть контроль над ситуацией, большевики обрушили на смертельно усталую, только начавшую оживать страну новые политические репрессии, дабы никому неповадно было заметить очевидное: полную несостоятельность большевистской политэкономической доктрины.

Из стенограммы XII Всероссийской конференции РКП(б): «т. Зиновьев (члена Политбюро, председателя Коминтерна до 1926 г., его расстреляли в 1936 г. – Ю.К.) Если вы меня спросите, что произошло нового на политической арене Советской России за этот год, я скажу: новое заключается в том, что антисоветский лагерь перестраивается по-новому... Он использует каждую щелку в новом этапе нашей революции,... чтобы использовать в своих целях нашу советскую легальность... Меньшевистская и антисоветская вообще формула гласила так: «Вслед за экономическими уступками дайте нам политические уступки». Мы ответили на это на XI съезде: «Отступление в области экономики останавливается». По вопросу о политических уступках мы с самого начала заняли определенную и ясную линию. Но теперь нам мало этого ответа...Мы должны сказать более ясно: «В области политической наше наступление продолжается»

Итак, эксперимент, давший стране шанс на возрождение, назван «отступлением», так как работал против партии: частная собственность оказалась эффективнее «ничейной», то есть государственной, рынок «провоцировал» личную инициативу. И не только в сельском хозяйстве и промышленности. НЭП стал стимулом для возрождения свободы мысли: появились частные издательства и негосударственная пресса, открывались новые театры и галереи, создавались научные общества, философские кружки, ассоциации

литераторов, открытые вузовские коллоквиумы. Этого потерпеть большевики, разумеется, не могли.

«Первая волна буржуазного реставраторства в условиях НЭПа складывалась из четырех следующих элементов: 1) проповеди экономического либерализма, 2) академической контрреволюции, 3) расцвета идеализма и поповщины и 4) широкого распространения бульварщины, порнографии и пинкертоновщины... С конца 1921 г. частный капитал действительно пошел в издательское дело. Создалась даже настоящая издательская горячка... до августа 22 г. было дано разрешение на образование в Москве 337 издательств, а в Петербурге 83 издательств, с октября 21 г. по август 22 г. на цензурный просмотр поступила от одних московских издательств 1261 рукопись.... Мы видим налицо, как ... создавались центры, организующие вокруг себя остатки старой буржуазной русской интеллигенции, которая, ... начала свою работу по распространению явно контрреволюционных буржуазно-реставрационных идей», ³⁰ – писал будущий советский нарком просвещения и один из первых историков партии Андрей Бубнов (его расстреляли как «врага народа» в 1938-м – прим. авт.).

Правящая партия, стремившаяся подменить собой государство, сжимала тиски: «Слабый политический уровень членов нашей коммунистической партии, включительно занимающих руководящие посты, позволяет, несомненно, выше стоящей по культурному уровню буржуазной интеллигенции обмануть их, вовлечь в мелкобуржуазную стихию, подрывать в глазах масс авторитет отдельных советских работников»³¹. Вместо того чтобы попытаться повысить образовательный уровень членов компартии, ее верхушка вновь обращается к карательным методам против виновных лишь в том, что они – образованнее, профессиональнее, либеральнее.

Из почтотелеграммы, разосланной губернским уполномоченным: «Взять на учет по единой системе всех бывших городских голов, представителей земских управ, врачей, лесничих, адвокатов, техников, литераторов, студентов и проч.» 72. То есть «по единой» большевистской системе неблагонадежными становятся не инакомыслящие даже, а все способные мыслить. Все частные издательства и сотрудничающие с ними авторы были взяты на учет, в их среду были внедрены осведомители. Особые «надзирающие» бюро следили за книжным рынком, обязаны были

«предоставлять осведомительный материал» о всех издаваемых в пределах «полномочного представительства» литературных произведениях и направлять их на рецензирование «партийным товарищам», отсутствие образования которых «компенсировалось» партстажем, а низкий интеллектуальный уровень — идейностью.

Нейтрализация духовной элиты давала возможность безнаказанно манипулировать массовым сознанием, в чем власть и преуспела в последующие десятилетия. А идеологическая парадигма «свободомыслящий — инакомыслящий — оппозиционер — враг» оказалась более живучей, чем само советское государство.

¹ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК − ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005; «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 − начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008; Остракизм по-большевистски. Преследования политических оппонентов в 1921–1924 гг. М.: Русский путь, 2010; Тюремная одиссея Василия Шульгина. Материалы следственного дела и дела заключенного. М.: Книжница, Русский путь, 2010; Репрессированная интеллигенция. 1917–1934. М.: РОССПЭН, 2010.

² О юридических основаниях функционирования карательных органов первых лет советской власти см. например: Христофоров В.С. Правовое регулирование деятельности ВЧК-ГПУ в борьбе с политическими противниками советской власти 1917—1922 гг. // Политическая история России. Исторические чтения. СПб., 2009. С. 99—115; Симбирцев И. ВЧК в ленинской России. 1917—1922. М.: Центрполиграф, 2008; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. Казань, 1995.

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (далее – ЦА ФСБ России), Ф1. Оп. 5. Д. 192. Л. 8.

⁴ Там же. Л. 9

⁵ Там же. Л. 10.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 321, Л. 57.

⁸ Там же.

 $^{^{9}}$ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 321, Л. 59.

 $^{^{10}}$ Христофоров. В. Интеллигенция хочет разобраться. А большинству все равно // Время новостей. 2009. № 205.

 $^{^{11}}$ Анненков Ю.П. Владимир Ленин // Дневник моих встреч. Цикл трагедий: в 2 т. Нью-Йорк, 1966. Т. 2. С. 269–270.

¹² В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). М., 1987. С. 88.

¹³ Там же. С. 428.

 $^{^{14}}$ «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 99.

¹⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 145. Л. 43 (об).

- 16 Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. С. 11.
 - ¹⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп 6. Д. 8. Л. 9.
 - ¹⁸ Там же. Л. 10.
- 19 Докладная записка ГПУ в Политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» от 1 июня 1022 г. // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 121—122.
- ²⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 2 Д. 85. Л. 168; см. также: «Письмо Ф.Э. Дзержинского В.Р. Менжинскому о мероприятиях в связи с настроениями студенчества» // «Очистим Россию надолго…» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 − начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 100.
- ²¹ Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК ГПУ. 1921–1923. М.: Русский путь, 2005. С. 24.
 - 22 Троцкий Л.Д. Предусмотрительная гуманность // Правда. 1922. № 193.
 - ²³ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 885. Л. 4.
- ²⁴ Письмо В.И. Ленина И.В. Сталину об ускорении высылки представителей интеллигенции от 16 июля 1922 г. // «Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 начало 1923 г. М.: Международный фонд «Демократия», «Материк», 2008. С. 162.
- 25 Макаров В.Г. Историко-философский анализ внутриполитической борьбы начала 1920-х годов и депортация инакомыслящих из Советской России. М.: Русский путь, 2010. С. 214.
 - ²⁶ «Теперь вы можете спокойно выпить кофе ваши паспорта у меня», нем.
- ²⁷ Трубецкой С. Минувшее [Электронный ресурс]. URL: http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/deport/trubetskoy.htm (дата обращения: 15.08.2021).
- 28 Ягода Г. ВЧК-ГПУ. Историческая роль и задачи. (Публикация В. Макарова) // Родина. 2007. № 12. С. 11.
- 29 Зиновьев Г.Е. Возрождение буржуазной идеологии и задачи коммунистической партии. Майкоп, 1922. С. 17.
- ³⁰ Бубнов. А. Идеология буржуазной реставрации в первоначальный период НЭПа // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923. С. 23.
 - ³¹ ЦФ ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 610. Л. 8.
 - ³² Там же. Л. 8 (об).